

**М и р о н о в Б. Н. ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РОССИИ. Учебное пособие. СПб.: СПбГУ; Интерсоцис. 2009 г.**

Практически каждая книга известного питерского историка Б. Н. Миронова становится событием в профессиональных кругах. Очевидно, что для этого есть реальные причины и поводы. Он умеет затронуть весьма острые и новые научные проблемы, увидеть по-другому то, что для большинства ученых представляется весьма стереотипным и давно решенным. Именно такой свежий социальный и глубоко личностный взгляд на историю России содержит эта книга.

Книга сделана в формате учебного пособия. С моей точки зрения, текст при таком подходе только выигрывает, он обладает большей внутренней свободой. В книге нет громадного справочно-библиографического аппарата, сносок или примечаний, изложение материала дается в более свободной форме, близкой к учебным лекциям, взгляды автора излагаются гораздо ярче. Пособие является производным текстом от главного труда жизни Б. Н. Миронова "Социальная история России...".\* Все одиннадцать глав двухтомника структурно присутствуют (в своем облегченном по объему варианте) в рецензируемой книге. Автор, впрочем, добавил одну главу "Русская культура в коллективных представлениях", которая очень органично вписалась в текст.

В конце каждой главы автор дает основные выводы в виде четких тезисов и вопросы для размышления и повторения. Возможно, я выскажу крамольную мысль, но это учебное пособие мне полезнее, чем двухтомник. Оно вовсе не является и не смотрится дайджестом "Социальной истории России ...". Вероятно, дело в смещении акцентов: объем кардинальных выводов, заключений, мыслей автора в ней намного выше, чем в предыдущей работе, и содержательно она прописана в другом ключе. Интеллектуальная составляющая труда (при некотором сокращении доказательной базы) - чистое, так сказать, "вино" мысли, - смотрится здесь намного выигрышнее. И, если двухтомник подводит существенные итоги развития советской и российской историографии XX века, то эта книга устремлена в будущее. Она дает пищу для развития качественно новой тематики и проблематики в области истории России на базе достижений предыдущей эпохи.

Основательное введение "От истории и социологии к исторической социологии" несет содержательный экскурс в совместные интересы историков и социологов. Определенное идейное обоснование названия книги содержится уже в первом абзаце введения: *"История и социология - два ингредиента, из которых можно составить два коктейля: социальную историю, если взять много истории и немного социологии, и историческую социологию, если взять много социологии и немного истории"* [с. 9]. Думаю, что всерьез эту шутку автора мы принимать не будем. Не будучи социологом, все же рискну предположить, что у социологии, в том числе и исторической, есть свое поле для игры (круг интересов) - свой качественно иной инструментарий, и отличные от исторической науки цели и задачи исследований. В таком случае, правда, несколько повисает в воздухе название книги.

Автор на основе обширного мирового и отечественного опыта убедительно доказывает, что социальная история родилась именно из союза истории и социологии. По его убеждению *"в фокусе социальной истории, в отличие от традиционной истории с ее преимущественным интересом к политическим событиям, действиям вели-*

---

\* Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. / Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003 г.

ких личностей" находятся процессы и структуры общества [с. 11]. Такой отход от идей тотального огосударствления нашей научной тематики и проблематики стоит только приветствовать.

Системный подход автора к истории России с экскурсами (пусть небольшими) в XVII и XX века позволил создать самостоятельную цельную систему взглядов на российскую историю, и не только имперского периода. Порой такие качественно новые выводы противоречат канонам, прочно утвердившимся в науке со времен С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Но Миронов не делал умозрительных открытий, он самостоятельно переосмыслил на основе использования источников старые стереотипы, догмы и концепции. Поэтому многие его неожиданные выводы весьма убедительны. Историко-статистический метод, излюбленный "конек" ученого, в данном случае абсолютно правомерен и уместен.

Обратимся навскидку к наиболее интересным выводам. В главе "Социология российской колонизации" автор доказывает, что экстенсивный путь развития сельского хозяйства России был оптимальным для нашей страны до начала XX века. Российская империя, по его мнению, не была ни тюрьмой народов, ни колониальной державой в европейском смысле слова. Россия успешно конкурировала как с империями Запада, так и с великими восточными державами. В теме "Социальная стратификация и социальная стабильность" автор делает вывод, что сословия России стали превращаться в классы после "Великих реформ" XIX века, но процесс этот к 1917 г. не завершился. Пореформенное общество - протоклассовое, а образование сословий, которые сложились к концу XVIII века, было большим социальным достижением российского общества.

С выводом в главе "Социальная демография", мне кажется, можно поспорить: *"Традиционный тип воспроизводства населения имел в качестве психологической причины слабое развитие индивидуальности, в качестве экономической причины - низкий уровень благосостояния, в качестве социальной причины - сословный строй..."* [с. 135]. Глобальные выводы всегда сильно уязвимы, но мысль автора дает серьезную пищу для размышлений.

Зато бесспорен тезис главы "Русская культура в коллективных представлениях": *"В крепостное время коллективные представления крестьян и горожан, исключая немногочисленное образованное общество, соответствовали традиционному христианскому мировоззрению; они были носителями единой народной, во многом сакральной культуры"* [с. 237]. Впрочем, само включение такого рода главы в книгу обнажает существенную слабость социальной истории и социологии вообще - исключение реального живого человека своей эпохи из исследования. Миронов широко и к месту использует народные поговорки в тексте книги, весьма сочувственно и с глубоким пониманием пишет о российском крестьянстве, уничтоженном в XX веке, но преодолеть этот коренной порок социальной истории, естественно, не может.

После главы "Социология крепостного права" стоит обратить внимание на тезис: *"Россия была экономически отсталой не потому, что крепостнические отношения доминировали в ее экономике; напротив, само крепостное право было порождено ее отсталостью"* [с. 274]. Столь же бесспорен тезис в конце главы "Русская община в деревне и городе" о том, что общность в форме общины долго отвечала реальным потребностям и соответствовала идеалам человеческих отношений своей эпохи.

Гораздо менее общеприняты выводы автора в конце главы "Происхождение правового государства": *"За двести с небольшим лет Россия прошла путь от народной монархии, которая осуществляла традиционно-харизматическое господство, до правового государства, которое реализовывало в основном легальное господство"* [с. 388]. Стоит заметить, что в такого рода понятиях как правовое государство степень абстракции так велика, что всерьез им не соответствует ни одно реально существующее явление.

Глава "Становление гражданского общества" подытожена такими мыслями: *"Главная причина противостояния общественности и государства в пореформенное время состояла в борьбе за власть. (...) В 1917 году политическая модернизация оборвалась вследствие того, что в России в период империи сложился раздираемый антагонистическими противоречиями двухкультурный социум, который не выдержал испытаний Первой мировой войны"* [с. 430, 431]. Спорить не о чем. Сегодня это общепринятые мысли, но начал высказывать их автор много раньше, когда они еще были крамольными.

В конце главы "Россия и Запад: социологические образы" можно прочесть выводы, вполне доказанные и выстраданные автором. Октябрьская революция имела антибуржуазный и антимодернистский характер. Основы российской государственности и культуры имеют европейское происхождение. Россия переживала те же процессы, что и Запад, только с опозданием.

Очевидно, что автор - закоренелый западник, но, прочитав книгу, понимаешь: он стал западником после того, как скрупулезно проверил "алгеброй гармонию". Его система анализа и синтеза глубоко научна, хотя и абсолютно индивидуальна, "независима от вненаучных факторов и модных идейных воззрений. Выводы свежи и оригинальны, как и все исследование в целом, и не потому, что он массово привлек социально-статистический материал, а потому, что он изначально оригинален как историк с большим чувством нового, интуитивным пониманием основ русской народной жизни, прежде всего крестьянской.

В. А. БЕРДИНСКИХ, доктор исторических наук